

Κ 1438543

ΓΑΛΗΝΑ ΨΕΚΚΗ

ΑΣΤΡΟΦΗΛΛΗΤ

Галина Щекина

АСТРОФИЛИТ

Поиск
Тщета
Утешение

Вест-Консалтинг
Москва
2011

Часть I
ПОИСК

Люби – сказали мне, и я повиновалась.
Люби же, черт возьми... Но дай мне эту малость,
Которая – ничто и все одновременно.
Не будь ее совсем, но ведь была... Со всеми...

Прозрачного дождя мерцающие очи,
И до всего рукой подать. Они короче,
Шаги к падению, чем до исповедальни.
Ноловишь напряженно отсвет дальний

Того, чужого... Быть твоим не сможет.
Так ветер холодит, в рукав забравшись, кожу.
И в бешенстве летишь, забыв одеться,
И зажимаешь в горле бьющееся сердце.

Люби – ударом колокола свыше,
Не прячься в одинокой этой нише!
И ты идешь почти на автомате,
И только глупый смех готового к расплате.

По зеленой весенней траве
Разливались волос золотые ручьи.
Двести родинок, это внове –
Но они не твои, и ничьи, и ничьи.

На шербатый каленый асфальт
Променяешь и шелест, и смех на лугу.
Запоет в переходе простуженный альт...
Мне б остаться... Но нет, не могу. Не могу.

Зашипят под дождем фонари,
Как упавшие луны в Неву.
Не убий, не кради, на мосту во хмелю не дури –
По велению судьбы я однажды тебя позову.

Губы, которые трогали плечи, виски.
Имя сквозь зубы.
Можно пропасть от немой непонятной тоски –
Как они грубы.

Руки – которые гладили и колдовать
Не уставали,
Руки, которые – стол, и балкон, и кровать –
Лживы едва ли.

Песни, которые и колыбель, и гроза –
Птицы кричали.
Что же ты сразу тогда не сказал
Главной печали?

Даром небес целование здесь и сейчас,
Жаром настурций –
Выпить любовь за один, и единственный раз –
И разминуться.

Я умела любить, когда
Ничего о нем не известно,
Кроме знака, который вода,
И далекой неясной песни.

Я пыталась любить – одна,
Через толщу земного шара,
И в толпе – как в реке, до дна –
Уловить дуновенье дара.

Но труднее любить теперь,
Здесь, где мир наших рук так тесен,
Обретением всех потерь,
Тишиной нерожденных песен.

Ау – тебе, роща из черного кружева,
Капли в зеркало вод.
Ау, одинокое юное мужество,
трусость наоборот.

Ау! А подруг запоздало смущение –
Сдрейфишь, слабачка, – смотри!
Губу закусив, через рощу осеннюю,
Зыбкие фонари.

Ау, все, кто любит! Прошу без обмана,
Каждая жилка дрожит.
И я кулачок зажимаю в кармане:
Страшно, но хочется жить!

Ау, незабвенные! Видимо, вески
Страхом ночным кандалы,
И те, кто качает во тьме занавеской –
Кем вы хотели прослыть?

Ау, в черном кружеве лунное марево,
Свист нереальный в ночи.
И я ухожу. И глаза мои карие
Солоны и горячи.

Не плачь – испуганною птицей
Летать устанешь у земли,
А он, с поломанной ключицей,
В блаженном сне тебе приснится,
А сон нейдет, хоть глаз коли.

А то, смотри, опять погода
В слезах утопит невзначай –
Все вешние ледяные воды
Обрушит в наши огороды,
Весь год в январь перекачав.

Не плачь же, не переупрямить
Души, разгневанной огнем.
Он рвется вдаль, оставшись с нами,
Не жди покоя с пацанами,
А все от дикой жажды в нем.

Не плачь – в любви и лишение
Пускай оглохнем, но прозрим
Сквозь дебри путаных сомнений
То наивысшее знаменье,
Которое «и Крым, и Рим...».

Не плачь же – бисером и звоном –
Давно промокли небеса.
Когда в груди стихают стоны,
В далеке, дерзком, законном,
Гудят сердца преображенно,
Поют поэтов голоса.

С ветром улетела простыня,
Хлопая намокшими углами,
И с балкона – хлоп – средь бела дня –
На лицо лощеное рекламы.
Экая пощечина тому,
Что слепит, сверкает, стоит уйму!
Только – прополоскана – в дому,
И уже над улицею буйной.
Не выносят сора из избы!
Что же не смотрела ты, разиня?
Не могла печаль свою избыть
Молча?.. А теперь над магазином,
Где благоухающий Диор,
Золотые изыски и мебель,
Все увидят дырки и позор
Прочитают – было, что ли, не было...
Все они предатели, стихи,
Им доверишь памятную тайну,
И они, летучи и лихи,
Разгласят, и вроде бы, нечаянно...

Киоскерша – чай и шоколад –
Щурится под хлопающим тентом:
Простынь далеко ведь не бела,
Как венчальные фата и ленты...
Значит, были темные моменты.

Он целует ее, и целует жестко,
А она, теплея, поет – поет.
Так живут они на перекрестке
Всех эмоций и рот в рот.

И всегда вдали от шума и грома,
Как забродит ночью лепет листвы,
Попадают внутрь затихшего дома,
Где не стоит друг к другу на "вы".

Нет, они заводят сильней друг друга,
Если очень грустно, горечь свежа.
Взаперти, внутри светового круга,
Но потом начнется такой пожар!..

Пусть наощупь, но в понимании...
И фонтаном пламени – во весь заряд –
Полыхнет их страсть ярким знаменем!
И потом с усмешкой во тьму глядят

Музыкант и его губная гармоника
Несравнимо родственны – берегись.
Улетая в бездны, вернутся в тонику,
Ощутив на взлете всю эту жизнь.

Зимнее ретро

Я не смогла остаться человеком,
Хотя меня об этом попросили,
Я падала, замуривая веки,
От собственного гнева обессилев.
Когда все хорошо, то в гости тянет,
Когда все страшно – ловят на задворках...
О, ясная моя, расчетливая пани,
Все видящая иронично – зорко...

Но что терять? Потертый плед зеленый,
Пластмассовые лица из журнала?
И человек, судьбою обделенный,
Но властный – и ему, конечно, мало
Простой двери, распахнутой, домашней...
Могла шагнуть и все вернуть на место!
Но, кончено – любовь с балкона машет
И остается вечною невестой.

Как странно мимикрируют предметы:
Из берегов – прямиком в капканы.
Шкатулка музыкальная, с приветом
От маленькой Элизы или Анны,
Семейство рыб тропических -- экзотик! –
Улыбки съев, оставили оскалы,
Ванили одуряющий наркотик –
Приметы этой ласковой Валгаллы.

Пораню в гневе руки о деревья,
Но не обман разрушу, хоть груба я.
Ну, мало ли тоски дремуче-древней,
В которой разрушались, погибали
Подъезды, особняк и переулки –
Люба тебе не я, любя любя! –
И криком коридорным – гулко-гулко:
– Люба тебе не я, любя любя!

Ах, Новые года дождем фольговым,
Салютом на морозных площадях!
Нам все казалось бесконечно ново...
Но холоднее блеска слюдяного
Пустое – вместо праздника земного
Простое растворенье – уходя...

Коричневый забор. Напиток света
Испить в окошке, болью истекая.
Стою в снегу... Да, что там рана эта!
Мне кажется, вся жизнь была такая.
Зачем же врать, от счастья умирая?
Уйди, зима, никто не пострадает –
Беспомощная страсть, теперь стара я,
А час назад казалось: молодая.
А снег спокоен и уныл,
Под снегом спит трава.
Весь мир как будто бы застыл,
Исчезли все, кто все забыл,
И только я жива.

Земля, как я: собрали все, ушли,
А я осталась ночевать под снегом,
И надо мною облаков набеги,
И солнце в угасающей дали.

Земля как я – вот холод и покой,
И замолкают топоты и стоны,
А я, раскинув тело многотонное,
Не шевельну немеющей рукой.

И тишина устойчиво длинна,
И думе удивленной нет помехи,
Угадывая оды, годы, веки
Недвижной бесконечности без сна.

Развалины

Она стояла, утонув в бурьяне,
Огонь крапивный полыхал по плечи,
И никого в округе окаянной,
И некому помочь ей, да и нечем...
Кричала молча церковь – глас в пустыне –
И купола ее чернила копоть...
А перед нею женщина застыла –
Невольно перешедшая на шепот.
Печальный рот ворот зажат щеколдой,
Решеток ржавых сомкнуты ресницы.
Как может холод быть сильнее холода –
От тех, кто мог непрошено явиться?
Здесь стены ждали помощь человека,
А человек пришел опустошенный!
Соединились два осколка века
Беззвучно, боязливо, обреченно...
Не каждому, увы, дано, что ищет.
Развалины одной – в другой заныли.
Столкнулись две беды, два пепелища,
Два прошлых преступления, две были.
...Нет, не ушла. Но, видимо, не сразу
Дверное проскрипело ей колечко,
И фотоаппарат холодным глазом
Запомнил облик грусти бесконечной.

Вокруг святых летали ангелочки,
Мария Дева кротость источала,
Но все смотрели вверх, и в высшей точке –
Парил Всевышний – посредине зала.
Ударит небо страшною дырою –

Сгоревший купол и в прорехе тучи.
Для света этот купол был построен –
Давным-давно да мастерами лучшими.
И вот руины вместо благодати.
Построили одни, другие рушили,
Выходит, мы, потомки, как предатели
Домов отцовских, веры в храме, в душах ли.
...Исчез иконостас... Туда добраться –
Лишь по доске расщепленной возможно.
Пустынно место алтаря, вибрация
Полов от двух шагов неосторожных.
Ступеньки на второй этаж и клирос,
От крутизны сбивается дыханье.
Оконца поглядят глазами сирот...
И грязь повсюду в скорбном здании.
...На клиросе огромное кострище.
Где раньше пели, Господу молились –
Теперь бродяги, пьяницы и нищие,
Пображничав, побили здесь бутылки.
Фрагменты росписи: крыла, плаща, пещеры,
Причастья кубок... И крестом у горла руки.
Но где искать спасительную веру?
На кровле дерева согнулись в луки,
И ветер крутит так и сяк густые гривы,
А травам на холме потреплет холки.
Подумаешь, какое это диво –
Разбита церковь, щели воют волком...
Так и живешь – разрушенно и стыло,
Под мусором житейским задыхаясь,
Когда ничто не мило, все постыло,
Нет помощи, кругом беда лихая.

Не браните ее – простужена,
И житье ее бестолковое.
У нее коньяк вместо ужина,
Каждый день у нее все новое
От заколки, где вспышка тлеет,
И плащом с мехами и стразами
До характера, ставшего злее,
И мужчины, забытого сразу.
И умом никак не обижена,
И умений разных – палата,
И прочитана уйма книжек,
И – большая за это плата.
Ни к чему она не привязана,
Ни за чем душою не тянется.
Обняла, да бросила разом, да
Во своем краю, что скиталица.
Волос русый по ветру волнами,
Статью – тонкая и упрямая.
А глаза, как лед из весенних вод,
И никто не звал ее мамою.
Никому никогда не аукнется,
И ее никто вослед не окликнет,
Только бабкино ей напутствие –
Мол, вернись, захлопни калитку.

Закипал гудеж встревоженным улеем,
Собирались люди всего прихода:
Будет служба, исповедь будет ли?
Да... и нынче свявят ли воду?..
...Ждать ли смерти – чугуны ноги,
В горле – ком обид непомерных.
Как я жил – да так жили многие!
Ну, грешил, ну, простят, наверно...

Все в трудах-заботах, сил не жалея,
На семью, на город – и нате, даром,
Сколько нужно денег на храм, аллею? –
Все бы отдал, кабы не кара.
Новый купол тут же сгорел! И вызов
Не помог, пожарных, огонь метался.
За мои грехи ли пригнуло книзу,
И простит ли Бог, или нету шансов?
...Я – и молвить боюсь – повинна –
Муж довел по пьянке до зла –
Пожелала смерти. Отпели чинно,
Но домой с могилы чуть доползла.
А хвораю с тех пор, да не телом –
Руки-ноги-спина на месте, будто.
Сгоряча да вслух сказала, не дело,
И съедает душу черная смута.
...Неотмоленный грех доймет посильнее,
Если детям потом отвечать придется,
Если от горячей любви – и с нею –
В свет приходят пугающие уродцы...
Догулялась вдова и двоих-то не родила.
Где была голова?.. А теперь все снятся.
Как – вернуть их, – чем – молитвы, свечи, масла,
Чтоб в миру пожить и в небесном братстве?..

...Кто бранит-хвалит, но на ум наставит,
Кто с уздой ко всем, как прислуге,
Кто у ног униженно ляжет, и, Свят, избави,
Промолчит весь век, и чужие друг другу.
...Дым от слез пошел струей к куполам,
Помоги! Но ангелы – не медбратья...
Что одна кричала – былую любовь звала,
Что другая – любовь отряхнула с платья.

Что кому... Надó исповедь – как страду стоять.
А священник, пот отирая с лысины,
Не хотел судить – ни отца, ни мать
Лишь прощал любой грех немислимый.

Шелест ветра гулко от стен и ставен.
Голоса впитались в кирпич и доски.
Кто ты, женщина, кто тебе равен?
И кого ты видишь сквозь пыль известки?
Почему ты, женщина, родилась такая,
Как пеняла бабка – ни святая, ни божия?
Видишь, церковь – не просто камень,
Чаша Духа Святаго, она поможет.
Неспроста и слезы горьки, безутешные –
Значит, душу – здесь очищать...
И, порой одинокой, с тоской нездешней,
Помнить – дед и бабка, отец и мать...

Часть II
ТЩЕТА

Небо выбелило зноем.
На пути по дальним странам
Я познала неземное,
Получив земную рану.
Долго с духом собираясь,
Все пожитки сосчитала,
Пригодится что – не знаю,
Соберу всего помалу –
Сундучок да узелочек,
Хлеб, вино, бумаги кипу.
Ты прости меня, дружочек,
Соль – не ты, не ты просыпал.
Стрел полно в твоём колчане,
Сыщешь диво на полесье.
И одно твоё молчанье
Мне дороже многих песен.
От воды твоей студеной
Мой пожар не утихает,
Я нечаянный найденыш,
Несусветица лихая.
Подымаясь раным-рано,
Убегу от злого зноя,
Залечив земную рану,
Позабуду неземное.

М. Ц.

Что ж, дорога до школы скучна и длинна,
словно факелы, жечь будут древние книги,
на ногах будто виснут вериги.

– Кто ты девочка? – Нет, не она!

Даже страшно – кипящая пеной волна
не судьбу ли дурную предскажет?
Невозможно моложе, любовней и даже
быть старей и мудрей, чем она.

Почитать тех, кто вызовет к жизни слова,
опалить и знобить до последнего крика.
Не погаснет огней городских повилика –
так нова, животворна, жива.

Что ж, за милыми снова и снова вослед,
укрошая и ужас, и голос, и норев.
Никогда – это значит внезапно и скоро.
– Это вы? – К сожалению, нет...

А. Швецову

Не измерив цены, не снимая вины,
Он ушел в эту темень и лютые сны –
от весны,
От неясной тоски, от нетрезвой руки...
Запоздало стучали безродных бродяг каблуки
у реки.
Может, не был пророк, может, просто продрог,
Но сломать эту жалобу искренних, горестных строк
он не смог.
Не жалел седину, не послушал жену,
Хоть и женщину мог полюбить только эту одну –
шел ко дну.
Сын заблудший Руси, ничего не проси,
Только, ветер, рыданья с могилы листвою уноси –
нету сил.
В этих серых глазах неосознанный страх
Застывал, потому что преследовал враг,
и – во прах –
Ледяная вода... Смесь и ада, и льда.
Унесет его в черные те города,
где беда,
Чтоб не быть никогда, никогда, никогда.

Т. Бычковой

Снилось – в зальчике сыром
Паутину разрывала
И отточенным пером
Расписала покрывало.
Трудно матери сберечь
Милую, больную дочку.
На любовь сбивалась речь,
На сонет сходились строчки.
Заколдована сова –
Снимешь манию едва ли,
Вслед Фонтанка и Нева
Острой пылью обдавали.
Било полночь на часах
В сказке, царстве тридевятом,
Там, в мудреных словесах,
Было весело и свято.

А. Дудкину

Здравствуй, лес, что не выше травы.
Этим соснам, пока годовалым,
И расти, и потом не сносить головы –
Лет полста будет мало.
Им придется, как людям, болеть,
Под пилой воровскою валиться,
Загреметь в дровяник или клеть...
Постареют – корою – их лица.
Вот запрятала и сберегла
Тишина, мягче ситца и шелка,
Место, где упоенье, и мгла,
И крапива не колкая.
С высоты не видать волшебства!
Но, лицом утыкаясь в покровы,
Ты, поверженный верой в слова,
Станешь глупо-доверчивым снова.
Возносясь, эти травы – хвощи
Над тобой головой закачают...
Ты ищи это место, ищи
За поляной с глухим молочаем...

М. Жаравину

Да, не заменит гаснущую страсть
Слепая сила, грубость и обида.
Мучительно кривляние для вида,
Оно паденья горестного часть.
Да, не прикроет вежливость тоску,
Мертвецкий сон – постыдную зевоту,
Не позволяй мне, бросивши кого-то,
Лететь к тебе – дробиночкой к виску.

М. Жаравину (посмертно)

Тело возьмет земля. Душу возьмет Господь.
Голос молитвы для – взлета небесный свод.
Не торопись уйти, холод могил кляня,
Я узнаю мотив – будет нас не разнять
Шелесту сосен над мраморным забытьем,
Как много лет назад, мы помолчим вдвоем.

Голос чуть с хрипотцой, карих глаз угольки.
Тонет, тает лицо в темной глади реки.
Тайных снов теплоту, плачь – не плачь, не вернешь,
Но доверишь листу непритворную дрожь.
Тело возьмет земля, душу примет Господь,
Век его умолять царствовать над и под...

Н. Бурдыковой

Грехи идешь замаливать
Под крестиком эмалевым,
Со щек роняя капельки
Среди платочков штапельных.
И ручкою фарфоровой,
Смиря веселость норова,
Положишь знак магический
На плечи, лоб девический.
Старинная душа и стать,
Тихонько станешь у креста,
Просить святых о малости –
Жестокому дать жалости.
Просить тому, кто глуп и зол,
От зова совести ушел...
Простим его. Но, он, увы,
Пустой не склонит головы.
Ему да нам прощенья нет,
Пускай же хлынет горлом свет,
И золото его лучей
И странность ласковых речей.
Любовь, пролейся горячей,
Звени, божественный ручей!

Себе

Заштриховано черное белым,
А цвета бледнеют до схемы,
Черный плащ совсем еще целый.
Я иду, ссутулясь, на теме
Черноты – стыдятся зимою
Переулки – знавали лучшее!
Ты, давай, не ходи за мною,
В нашем царстве последний лучик.
Черный плащ обнимет за плечи –
Облегченно выпрямлю спину:
И расстраиваться тут нечего –
Только лишние нас покинут.
Ничего, что лучшие где-то,
И помочь, как правило, некому.
Разучу хоть песенку эту
На стихи свои или Кековой.

Р. Соболевой

Красота свернулась змеей,
Только вспыхнут огнем глаза –
Ей вполне понятно самой –
Все и сразу иметь нельзя.
Только, свернутые в кольцо,
Честолюбие и запрет
Искажают это лицо,
Но его таинственной нет.
Лишь восточно-еврейский след
Институтки и инженерю,
Амазонки тугая плеть –
Только окрик ее коню.
Философские кружева
Да витая спираль волос
Заставляют дрожать деревья –
Голос девочку перерос.

И. Несмирному

Строки со рваными ритмами –
Чувствуешь, бесится пульс
У человека в момент катастрофы?
Думает он – я еще, мол, вернусь!
Сяду за руль и поддам еще жару –
Шепчет, но только уже перемолот,
Как никогда, до горячего месива...
Боже, как он ослепительно молод!
Сколько уже пропустил
И, наверное, больше не включится
В самое лютое и грозное,
Самое быстрое, вброд и в распутицу...
Нет, не понять: это сон или нервы
Проводкой дрожат послетоково –
Было же чудо! Оно только мимо летело,
И снова кругами да около...
Чем же теперь затушить,
Прекратить это колкое, пьяное жжение,
Сильное и бесконечное, сердца
И памяти злое, пустое кружение?
Только глаза ее в сторону
Вспыхнут счастливо и влажно –
Мы, мол, увидимся снова ли?
Тут или там – да, неважно.

Дебютанту

В вагоне горячая смесь недвижимой дрожи, полета,
Застынешь у поручня здесь, как статуя, спутница Лота.
Ах, вот оно что – берегись!

Та девушка брызжется счастьем,
Твоя обрывается жизнь, покуда срослись их запястья.
Покуда их плечи дрожат, и рты потрясающе ловки,
Горит между вами межа, сжигающая остановки.
Ну, все, дуралей, не смотри,

Уставившись в черные стекла –
Ах, ломка стекла изнутри, ледяного – ах, россыпи
около.

Ну, мальчик. Скорее вдохни невидимых слез океаны,
Пускай, так бесстыдны они, что лица вокруг осиянны.
Мы все проходили урок, и ты не избеж повторенья –
И это не пропасть, не рок, а только лишь новое зренье.

Счастливый

Налетев, стоишь, и немой вопрос
Перед кассою с ассигнацией.
Потому что опять задираешь нос,
Усмехаясь ассоциациям.
Наплевать на все тебе! Наперерез
Реву джипов летишь по улице...
Так и жизнь пронеслась, не с тобой, а без,
Только ты не успел нахмуриться.
Через вихри снега, мокрый, как бес,
Но счастливый, с пивом, как свечкою,
Ты опять в историю глупую влез,
Но кому доказывать вечное?
Россыпь капель талых на волосах,
Обдаёт ресторанным бытом.
Ты хмельной, но, еже писах,
Все уж сказано и забыто.

И. Тюрину

Он состарился раньше срока! –
Закричали птицы в окно –
Он гудел трубою пророка...
Погружение было глубоко,
Невозвратно было оно.
Что он видел в сумрачной глуби
И какой постигал язык?
Близость гибели верно губит –
Жажда жизни идет на убыль,
Только боль умножит в разы.
Мальчик, маг, близорукий гений
Заплутал в словесном лесу.
Канонаду полуночных бдений
Не стерпел, обступали тени,
И кололо остро в носу,
Ведь за партой сидел подросток,
Окуляры плавил взгляд.
За окном судьбы перекресток
Полоснул его слишком жестко –
Не вперед, а только назад.
Обжигающее: «послушай»,
Ослепляющее: «молчи»,
Нестерпимое стиснет душу,
А потом станет тише, глуше,
И бессильно вздохнут врачи.
Что же, глыбы его раздумий
Не размыла чувства река.
Да, сомненья гложут. А в сумме –
Слово юное – наверняка.
И моря ушли в облака.

Матери поэта

Как ее ударило временем!
Больше, время, ее не тронь.
На затылке юного гения
Тихой лаской ее ладонь,
Но водою август из горсти –
Он ушел из сыновних пут.
Знаю, он, приходивший в гости,
Рос не так, как просто растут,
Ввысь и вширь – продлевался в слово,
Чтобы сердцу было больней.
И теперь он вернулся снова,
Чтобы не расставаться с ней.

Нынче есть скамья в Переделкино,
Рядом с ней на этой скамье
Под сосною пушкинской белками
Не один. Их много – в семье.
Дом, в котором дух Пастернака,
От столовой с красным вином
До кушетки – становится знаковым.
Не о смерти речь, об ином.
В доме есть рояль знаменитый,
Только некому здесь играть.
Неужели прервутся нити,
Смолкнет вся поэтова рать?

От потери шла к обретению,
От молчания – в рукоплеск,
Все ища, в бесконечном бдении,
Не заемный – истинный блеск.

И опять в саду Пастернака
Новобранно-яблочный май.
Ради сына, из горького мрака
Души новые принимай.
Чтоб пройти испытанье временем,
Не дрожа пред его судом –
Пожелаю новому гению
На затылок ее ладонь.

И. Метляевой

В дождевом переулке,
В городской суете,
Благородно и гулко,
Ниткой бус на кусте,
День на ночь перенизан,
От восторга до тьмы,
От окна до карниза,
От весны до зимы,

От надежды до грусти.
Боже мой, не грусти!
Пусть тебя не отпустит
Неизвестность пути,
Далеко или кратко,
С пониманьем и без...
Ты иди без оглядки
На капризы небес.

Задождит за балконом
И на белом листе,
И пускай нелегко нам —
Послужи красоте.
Обертонны высоток
И реки тихий шелк,
Звянул в сумочке сотовый
И сконфуженно смолк.

Мимо храмов и шпилей
Шпилькой чиркни листву,
В черном, значит, Одилия,
В колдовстве торжествуй.
Жизнь еще осиянна,
Хоть не так и длинна,
Ну, а муза заглянет,
С нею выпей вина.

Она всегда была одна на задней парте –
Домашнее задание – на «пятерку»,
Еще – блокнот, под книгою и картой,
Запутанные строчки и зачерки.

А подойдут – посмотрит виновато,
Листок от любопытных закрывая,
Занятие для девочки чреватое,
Но к выходу рвалась душа живая.

Она на лестнице решила подежурить,
Пока пройдет герой ее романа,
Предчувствуя – сломает эта буря,
Слагая стих и пряча в глубь кармана.

Мучительная девочкина тайна,
Ее никто, никто не разгадает.
И будут строчки рваться от отчаянья
И увядать, как листья увядают.

Воробышек, зимующий под стрехой,
Клюющий дождь и звезды, вместо крошек,
Был чутким эхом, эхом – не помехой,
И все же, так непоправимо брошен.

И никакие платья и планеты,
Контракты, и мужчины, и машины –
Ничто на свете – только это, это
Ее утешит, так она решила.

Она курила, улыбаясь, на скамейке,
Куда-то мимо стряхивала пепел,
А по блокноту узенькою змейкой
Бежали строчки радостно, нелепо...

Теперь она, наверно, не зависит
От чьих-то слов, судов и нареканий...
Над парком дым жемчужный вдруг зависнет,
И воскресит ее ненадолго, и канет.

Когда, в мельканье рук, нужна всего одна,
Спускается, слепя, смущенная строка –
Сквозь небо, потолки и до речного дна,
Как ночь течет, прохладно глубока.
Смотри же – толпы тех, кто с яростным огнем,
Растрачивают нежность напоказ.
А нам награда – сон, мы будем пьяны в нем,
Встречаясь под завесой колких фраз.
Единственность того, чему вовек не быть,
Сильнее хмеля опалает рот
И не позволит ничего забыть,
Уйти во тьму, за спящий поворот.

Н. Сидоровой

Знаю – вы, голубка, вновь
Ночи не доспали,
Слушали, ломая бровь –
Ветры завывали!
Люди громкой чередой
Пели и смеялись,
Как вы сладили с бедой,
Вникнуть не пытались.
Как из грусти вышел свет,
А из слез – молитва,
Это в вас одной секрет,
И незрима битва.
Не печальтесь – вам еще
Рано на колени.
Будет избран и прощен
Лишь один смиренный.
Вы, ничем не укоря
Пришлых и прохожих,
Будто радугой даря,
С летним ливнем схожи.
Смолкнут песни, отзвения.
Ухожу... О, Боже,
Вы не гоните меня,
Диво тонкокожее...

От пепельной дымки и зноя дрова, засыпают дворы.
Из тронутых золотом ветхих старинных кварталов
Выходят вчерашние мифы – герои, легенды, миры –
Подошвами шаркать. Лишь этого нам не хватало.
Да, шли бы себе на Кремлевскую площадь бродить,
К реке, где ветрами качает заржавленный
катер и мостик...

В сюртучные пары, роброны одеты... а кто же у них
впереди?

Не мрачный тиран ли во френче, и с ним обомлевшие
гости?

Там старец седой, прислонившись к стене крепостной,
Насмешливо курит, и, пепел дешевый сдувая,
Хмельному повесе он даст прикурить, – по одной
Оставит учителю, столяру, косарю, знахарю,
всем покивает.

И если о ближних, ушедших – уже не болит
по ночам голова,
То, кто же о дальних, растаявших в прошлом, поплачет?
Ну, город-загадка... пускай, не во всем я бывала права,
Сегодня я память твоя, и пускай будет завтра иначе.

Признаюсь – я утром шла через морось,
Сквозь скрип мороза, а то и метели.
Они мне казались милыми порознь,
Словами насмерть сразить хотели.

Словами обжечь, как будто слезами,
Такая дерзость и чувств кострище.
Куда девались любовь и память,
И где искать немногих, кто ищет?

Порой я слышала неуловимое –
Как дух свободный реет, где хочет.
Снега, их ботинками резво давимые,
Да шорох листьев и лопанье почек.

И хлопанье дверью, и вспышки света!
Они, не оглядываясь, уходили,
Но мне казалось прекрасным это,
Хотя и далеким, увы, от идиллии.

Ну, свет софитов, ну, стойка барная,
Аплодисменты и хмель успеха...
Слова – занятие неблагодарное,
Лишь эхо голоса, слабое эхо.

Астрофиллит

Он появился с бесшабашным другом
И оторвал меня от каши и посуды,
Принес потрепанных тетрадей грудю,
Но чтение пошло сперва с натугой.
Я спотыкалась о понятия иные,
Библейских аналогий простоту.
Испил любви и правды, но не ту
Искал и все-таки уехал... Выем
Оставил страшный, и свои тетради,
Очки поправляя близоруко
И клетчатой рубахи ворот... Мука
Поэтом быть – молчать, чего же ради?
Звенела позабытой песней речка
И колоколом старого собора,
Вино с друзьями – это – сдохнуть впору.
От нас ума в Суоми явная утечка!
Но, чтобы выжить нашим на чужбине,
Приходится познать иные сферы –
Нуждаться в вере и лишаться веры,
Ломить, работать, промерзать в кабине.
Какой бы ни был ты на родине фигурой,
А там ты не проситель – даже хуже,
Докучный эмигрант нигде не нужен.
Какая, к черту, там литература...
Нырнувши тут, он вынырнул в Суоми.
Помимо основной своей заботы,
Не забывал, что голодает кто-то –
Посылки и в моем хрустели доме.
А что стихи – они не пропитанье,
Не деньги и не мех, не куртки в стужу.

Блеснувши синью в одинокой луже,
Остались – так, одни воспоминанья.
И вот, весенним схвачена дыханьем,
Поэту я отправила посылку,
Как брошенную в бедствие бутылку,
Внутри – мое скупое подаянье,
Закутанное осторожно в вату,
Обложенное ворохом бумаги,
Исполненное варварской отваги,
Искрящееся виноватым золотом...
Чтоб этот темный камень, без огранки,
Игольчатое сумерек сиянье,
Будил, будил одно воспоминанье –
О горке, где его свистели санки,
О речке под несметными снегами,
О том, что невиновно и нетленно,
И, как в мороз немевшие колени
Могли бы защитить перед богами,
О том, что все леса и перелески,
Кустов прибрежных купы в талых водах
Звучат словами и даруют отдых,
Хотя, порой, язвительны, но вески.

От перемен слагаемых и сумма
Могла за эти годы поменяться.
На радиоактивность надо, братцы,
Проверить этот камень! Все разумно.
Меня как обожгло: подумать только –
Мою семью кормил он эти годы,
А я ему – смешной кусок природы,
Я камень подала... в сознание, вроде...
Станцуем краковяк? А можно польку...

Поэт и друг. Воздушнойшая пицца
Была коньком его радушной мамы.
А женщина, красавица, та самая,
О ком он горевал, хотел жениться, –
Жена теперь его. Так ярки лица.
Все хорошо идет. Белоголовы дети
На фоне трав, а на веревке сети.
Астрофиллит в сарайчике пылится.

Когда придет он, чтоб всласть напиться,
То соберутся с мужем на бильярде.
А то нагрянут вместе в «Харди-Гарди».
Все хорошо и без стихов.
Без песен этой райской птицы.

А. Наугольному

Шагом вдоль церковной стены –
Человек любовью хмелен.
Он умел описывать сны,
Но теперь опечален он,
Что пошло все в жизни не так,
Ради горечи питья,
Против горечи бытия,
И вокруг непроглядный мрак.
Так хотел оставить грехи
И поплакаться у лампад,
Только стены сыры, тихи,
И в душе нарастает ад.
Пусть потом откроется храм,
Он усопших сможет почтить,
И к причастью чудным дарам
Вдруг потянет сильная нить,
К брату, матери – спят в земле,
И жена ушла, сын в руках.
Вот ладонь на белом челе,
Жизни выпитой страсть и страх.
В этой церкви, где тихий сквер
И белены стены молчат,
Он открыть соберется дверь,
Чтоб к иконе, где тает свеча.

Но узнать не смогут глаза
Ни разрухи, ни кирпичей,
Но сурово зрят образа...
– Что ты плачешь, дядя, ты чей?
В синем свитере мальчик, глядь –
Так на сына будет похож,
Он поставит свечу – все, дядь! –
Пусть утешит слабая ложь,
Ну, и что ж, шепни, ну, и что ж...

Придешь ко мне тайно, важный,
Светя слепотой погон...
Такое было однажды
В свидетелях - никого.
Придешь как-нибудь с банкета,
Регалиями гордись.
Я не посмотрю на это Не
ты мой избранник, князь.
Пускай печаль неминуемая,
Но мать говорит «нельзя»,
И хватит ее-то мучить,
И прятать утром глаза.
Ну что ж - особняк за городом!
В душе у тебя пустырь.
Ты лучше сбрей эту бороду.
А я уйду в монастырь.
Мирским я сыта по горло
Карьера, дача, круиз.
На самом деле я гордая,
Мне нужно вверх, а не вниз.

Зачем бродить в ваших дебрях,
коль есть другие места?
Слово, конечно, серебрянно,
но золото - немота.

Н.С.

Ты наденешь Москву, словно длинно-парадное платье –
Непривычно чужое... но, нужно идти на банкет...
Чтоб могли пировать эти новые сестры и братья,
За себя воевать нам приходится множество лет.

И стихи отодвинуть надолго по многим причинам,
Про себя бормоча, что, наверно, не вечер еще,
Но они засыпают по брошенным диким лощинам,
Но они застывают слезами заплаканных щек.

А потом загремит элекстричка по черным туннелям, –
Каждый день три часа – половина дороги домой.
Ты порой в тихом парке киваешь задумчивым елям,
Им равно одиноко и летом, и нежной зимой.

И, тебя не дождавшись, далекие окна застынут,
Над рекою затихнет церковный простой перезвон.
Надо звать в полутьме загулявшего малого сына –
Чтобы не заблудился, тебя не расстраивал он.

Суждено ли тебе уклонение или участие?
Прорастают слова, за собою, курлыча, зовут.
И вздохнув облегченно, ты сбросишь парадное платье
И на дно чемодана уложишь Москву.

В. Масловой

Сестра, вернись в цветущий огород,
Который без присмотра умирает.
Вернись, он ослепительнее рая,
И мальвы у некрашенных ворот.

Сестра, как ни чудесен вышний свет,
И наш медов, с гречишной горчинкой.
Все горше набегавшие морщинки
Полосовали лик, судьбе в ответ.

Сестра, понять тебя и пожалеть –
При жизни – рук и слез не доставало,
И ты погибла под девятым валом
Желаний, павших в горечь кратких лет.

Плач

Ах ты, деточка, голубка ненаглядная!
Родилась на зорьке утренней да ладная.
Ах ты, птичка моя, песнь звонкоголосая,
Мое диво смоляное, чернокосое.

Ах ты, деточка, глаза твои вишневые,
С новым словом и сама ты будто новая,
Лебедина стать и кожа ровно млечная,
Почему же ты одна, невеста вечная?

Ах ты деточка, тебя ли не лелеяли,
Не тебе ль молили счастья, не коленями,
Жар остуды и хулы не отгоняли ли?
Лишь наукою тебя прилежно маяли.

Ах, ты деточка, овеяна тревогами
На лугу порхала юной, голоногоею.
И внимать тебе и так бы улетать душой!
Только он не про тебя - златой покой большой.

Были б деточки, без них твой век недожитый!
Были б песни колыбельные да сложены!
Грусть-тоскою ты до времени отравлена,
Доживать без сил недвижною оставлена.

Ах ты, детка, на узорной ткани скалочка.
Ведь слова тебя качают как в качалочке,
Покрывают ли туманы отбеленные,
Провожают ли молитвой умиленною.

Не дано тебе руки для вышивания,
Не дано тебе слуги для одевания,
А душа твоя готова для горения
А даны тебе уста для говорения

Ах ты, деточка, голубка ненаглядная...
Родилась на зорьке утренней да ладная...
Ах ты, птичка наша, песнь звонкоголосая,
Наше диво за лугами хладноросыми...

Н. Кругловой (Масловой)

Женщина с таким тяжелым взором
По ступенькам снежным поднялась –
Надо всем... и над житейским сором...
Ей дана была такая власть.
Серый, в клетку, плащ, и шарф небрежно
Брошен через левое плечо.
Взгляд ее, рассеянный и нежный,
Мог быть и врачом, и палачом.
О, крута была она когда-то,
Сущая колдунья – в тридцать лет.
И в душе, таинственно-крылатой,
Много было радостей и бед.
Господи, борьба за хлеб насущный
Превратила лодочку в баржу.
Песни получались зонче, лучше,
А она: "Ни слова не скажу".
Ни о том, как не давали слова,
Как терпели – лучшую – едва,
Как была на все уже готова
Эта отчаюга-голова.
И уплыли вниз по нашим рекам
Все стихи, как грустные «Холсты»,
Не было богаче человека –
Редкостной, певучей красоты.
И бывлой певуньи и тростинки
Нет теперь, зови иль не зови.
Иволга, кинозвезда с картинки,
Лучше всех писала о любви.

Н. Елсукову

Человеку просто съехать крышей,
О любви бессмысленно крича.
Только, чем сильнее стремишься выше,
Тем скорей исчезнешь невзначай.
Чем сильнее, ошибочней и горше
Жаром согревало у плеча,
Тем вернее подомнет и сморщит,
Страсть была началом всех начал.
За тебя – твое – не перепишут!
И вослед не станут величать
Человека на железной крыше –
Что ногой над пропастью качал.

Вот идешь по суровой прекрасной аллее стиха
и стволами упавшими путь загорожен!
А природа стиха поневоле темна и тиха,
И понятно, становишься старше и строже.

Почему-то и бревен застыли тела
не на месте и в самой несвойственной позе.
Откатить бы, но, кажется, ночь подошла.
Не найти лесника - он к костру их отвозит.

Окружали усадьбу старинную эти дрова
над любовными парами кроны шумели.
Видишь, музыка слов снова ранит, и снова права.
Только мы ни понять, ни своей сочинить не сумели

И такая тоска от заброшенной этой красы,
и такое до слез обожжет неуменье,
что проглотишь комок и, ступней не жалея босых,
покидаешь стихи. И никто тебя там не заменит.

Горькая поэма

М. Сопину

1.

Перебранка шла, пикировка,
Отчего-то было неловко,
Отчего-то ранила сразу
Лишь одна нелепая фраза:
“Муж, которого посадили”...
Как поспешно о нем судили
И хлестали – и те, и эти!
Пустота без него на свете.
Пересуды – морозным паром,
А в ночном троллейбусе старом
Загремели римские речи,
Завизжали шквалы картечи.
Он бурлил помпейскою лавой,
Угрожал общественной славой,
Ядовит, но точен – о главном,
А вообще оказался славный.
Подступала злая минута –
И к нему пошли, не к кому-то.
На вопрос – всегда многоточье,
И подарки разнес на клочья...
Верх безумия и беспечность,
Матерясь, уносился в вечность.
Он великий, да и не очень –
Не стишками он озабочен,
Их держал, как гвозди, во рту,
Их кричал в сивушном спирту.

Он ли падал – вор или князь –
Головою в мерзлую грязь,
Да в окурки, снег и песок
Не его ль впечатан висок?
А людская память мелка –
Не простят его потолка:
Понимал поколение, век,
На родных не поднявши век.

2.

Рванулся прочь от злобы и зверья,
Испил сырец – лекарство от печали –
Он свой среди подонков и ворья,
Едва от матери отчалив.
Учили бить и насмерть добивать,
Умел любить до лютого озноба,
До края неба криком доставать,
Идя от гроба и до гроба.
Пинком, за водкой, как шлюшонку шлют,
Гонял он музу, девочку простую.
Стустился взрыв, прощальный, как салют! –
Сгорел, от жалости лютуя.

3.

Он был черен, и худ, и ободран, –
Арестовано солнце за тучей –
Был насмешливо легок и бодр он,
Невозможный, ничей, неминучий!
Он родился, когда убивали,
Среди горя и тленности выжил,

Рай мифический нужен едва ли,
Ад крошечный привычнее, ближе.
Так возник человек издалека –
Вечный путник без сна и приюта,
И повел он презрительным оком,
Явно, знак подавая кому-то.
Подносили шипучие кубки –
Отвергал и еду, и напитки.
Признавал лишь отраву и трубку,
Диких песен измятые свитки.

4.

Поверьте – жаль, что мне не суждено
На пару с вами пить четыре белых,
Но потрясение – стихом порождено,
Как плетью дернет – сердце ослабело...
Смутитель, хулиган – и в судный день
Не очень-то покорный и приличный,
Но, что на тело птичье ни надень,
Проступит кровью через ткань величие.
До этих молний явно не достать
И клетоту не вторить щебетаньем.
Колючий жар печатного листа
Да сохранит от новых испытаний!
Не стану врать, что знамя подхвачу
Для прошлых и грядущих революций.
Сквозь слезы улыбнусь щербатым блюдцем:
Я до бессмертья вас застать хочу

5.

Добираюсь до вас только к ночи.
 А насчет этой новой подборки –
 Понимает вас тот, кто смириться не хочет.
 Гениально от корки до корки.
 Не волнуйтесь, зашла на минуту –
 Вам оставить журнал и лекарство.
 Мне назначено в шесть к институту,
 Страшный дождь и в дороге мытарство.

В перегруженной памяти вашей
 Я осталась в заляпанных ботах,
 В детских двойках и рисовой каше –
 Хохоча, и в слезах, и в заботах.
 Но, скрывая тоску и усталость,
 Удаляясь, как эхо аккорда,
 Как собака с задумчивой мордой,
 У дверей я осталась, осталась.

6.

Кому поставить в вину
 Всю эту темень и чад?
 Пора уж детям ко сну,
 И взрослый рухнуть бы рад,
 Но, горечь – нечем дышать,
 За дверью снова шаги,
 И горло сушит закат.
 Ты выживи, ты солги,
 Что папа твой на войне.
 В руке сжимал пистолет...
 Вон, карточка на окне.
 Тебе – всего десять лет...
 Что в бабкины погребя

Вела траншея-подкоп,
Что от горящего лба
По телу дикий озноб,
А братику не вставать –
Он сонный и не жилец.
Завоют бомбы опять,
Скорее бы всем конец...
Скорей в родные холмы,
Где горы мертвых солдат –
От Курска до Колымы
Они в шинелях лежат.
В закатном пекле войны
Ребенок жизни не рад,
Ушел, поддернув штаны,
Спасать советских солдат...

7.

Дождь и град – свинцовым соло.
Снег и ветер – треск одежд.
Да, умел ты быть веселым,
Не теряющим надежд –
В том краю колючих линий,
Где последний перевал.
В человеческой пустыне
Ты судьбу одолевал,
Глядя ей в пустые очи,
Выговаривал слова,
От которых кровь клокочет
И светлеет голова.
Мальчик в разбомбленном поле,
Ангел твой к тебе успел,
Чтобы ты в глухой неволе
Долю мытаря пропел!

Не сойдешь на полустанке
В огуречную грядку –
Там прошли чужие танки,
Там я мысленно пройду,
Потому что дни и годы
Догораем мы поврозь,
На хрустальные погоды
Окончание пришлось.

8.

Речь о реке – прародине отцов,
Свернувшей в холодное кольцо,
Не на руке – на шее у страны,
Под плач и вой, горячечные сны.
Речь о реке – из берегов навзрыд
Катящийся в столбцы и строки взрыв.
И о тоске по тем, рекой уплывшим,
Живым теперь – и прежде жившим.
В поток чужих страданий – взгляд с моста
И боль от попаданий тысяч ста,
Казненного пророка слово лишь –
Любви навек, как тюрем – не простишь.
Изгиб реки, что стылой бездной дышит –
В ней облака и сорванные крыши –
Изгиб руки у лба бессонной ночью.
Мольба за жизнь, которая клокочет.

9.

И пьет она – и пьет неутолимо,
 Но это не оправдывает климат –
 Все пересохло в горле у земли,
 Все вытянули травы, что могли.
 Как холодна она и молчалива,
 Пока ее напитывает ливень!
 Пускай могильной раной зарастает
 Один из тех, кто пел о серых стаях.
 А мы хотели в бархате и лентах
 Сокрыть скорей беспомощность момента?
 Отдернув руку – ты, земля, бери
 И поминай пыланием зари.
 А может – прыгнуть и укрыться в яме
 Под хрусткими и белыми цветами?..
 Тела посеем – горе пожинать,
 Земля же принимает, как жена.
 Молчи и пей дожди, зажмурив веки,
 Речь о реке, и речь о человеке,
 Который – свет, пока не скрыла мгла,
 Пока судьба настигнуть не могла.

10.

Ни плеску речному, где сонная рябь,
 Ни блеску поляны, где бьют глухаря,
 Не станете грохотом пули мешать,
 Поймавшись на запах костра-кулеша.
 Топчан. Холодильник. Оконный проем.
 Машинка печатная, с нею вдвоем
 Все курите “Астру”, от всех втихаря –
 Вот ваше пространство, где годы горят.
 Поэтово логово, с пепла начнись,
 Летящего вниз, уносимого ввысь!

А дождь, нескончаемый дождь за окном
Напомнит пускай о потоке ином,
Бегущем на землю, к той самой реке,
Где мы умираем от вас вдалеке,
И смотрим бессильно в оконный проем,
И в небе ненастном куда-то плывем...

Часть III

УТЕШЕНИЕ

Сиреневый рассвет для медитаций,
И звон воды, и холодность сосуда,
И следует смотреть, но не касаться
Того, что зарождается покуда
За этим зыбким заревом над крышей.
Из темени деревьев вылезая,
Тяжелым сердцем подниматься выше,
Внезапными неслышными слезами –
Где золото рассветного напитка
Сердитой синевой тебя остудит.
Сладка ошеломительная пытка –
Касания небес страшатся люди.

Браво, четыре утра – музыканту вверху нет покоя:
Пробовал голос, который летел и сорвался.
Двигал он мебель, посуду ронял, слушал рок, все такое,
Рев усилителей, смесь рокабилли и вальса.

Стоит же мне захотеть – и накроет забвение сада.
Крупные, белые хлопья на грудь и ладони,
Ветки окутают нежной и острой прохладой,
Лепет беззвучный от яблонь, мое утешенье бездонно.

Дунет ли светом, наполнится сад щебетаньем.
Будто искристый напиток пия, оживала.
Слабая музыка, сном поманив, не отстанет,
Сколько ни прячься в тугих лепестках одеяла.

Шарахнет дождь, сомкнутся тучи туго
И грудью лягут на окрестные леса.
От переезда через сонную округу –
Всего-то час, а может, полчаса.

Налево русла рек с крутым туманом,
Направо роща, дачной улицы забор,
Гуляет ветер в поле и в карманах,
А там, глядите, кто-то жжет костер.

Им печки мало? Только б хулиганить.
В дождевиках сидят, но слышно громкий смех.
Не местные, тут каждый зол и занят,
Приезжие – да, ну их, к черту всех!

Зайти бы к ним, чужую речь послушать,
С чужою жизнью рядом постоять.
Который раз они тревожат душу –
Устала и слаба душа моя.

А мне-то что – сапог на босу ногу,
Тоска о чем-то дальнем, но молчишь.
Перед глазами все одна дорога,
Трава, и небо, и ночная тишь.

Молчать и ждать, но до какого срока?
Увянет сердце, смоем дождь года.
Эй, за забором, путник одинокий,
Что там маячить? Ты давай сюда!

Розы в изголовье

Никогда столько не было их у меня –
Просто ливень и пламень чужого участка.
Головами кивали, улыбками тайно дразня...
И душа замирала от зыбкого счастья.

Моментального блеска свидетели – сна,
Протяженного в шуме и стуке.
Лишь молчали они, как молчала весна,
Натянув тетиву на различные луки!

И летя за плечом через душную тьму,
Застывая в воде ледяной по колено,
Точно знали они, что уже никому
Не нужна красота их нетленная.

Двадцать талий и темных атласных корон:
От вишнево-закатной до злато-рассветной.
Поцелуев несбывшихся стон и урон,
Угасали, слабея, объятия – ветви.

И пока я спала, мне поправили плед,
Будто царственной, редкой персоне,
Только шепот остался, что времени нет,
Лишь, кивая, прощаться спросонья.

Он никто мне – любовник любовницы бывшего мужа,
Настоящий, другой – никогда он не ходит налево,
И уж если ему человек окажется нужен,
То, скорее, душа – не уста новоявленной Евы.

Западня-то какая – и туфли, и платья парадные –
Подавать себя людям, как будто бокал на подносе,
Понимая, однако, что мне абсолютно не рады,
И уносит меня далеко постепенная осень,

Где не только дожди, но и чувства уже холодеют,
Небеса, водоемы и очи мои прояснило,
Я не жду больше милостей, только молюсь и надеюсь,
Чтобы хуже не стало сторонке унылой,

Где редуют слова, только ветра органное эхо,
На брезентовом небе полоска расплавленной меди.
Все родные со мной, и в пути не случится помеха,
Это праздник немой приближается – едет он, едет!..

Прообраз мой, утеха из утех,
Пусть над тобой рассеется ненастье,
Кто в этой жизни значит больше всех,
И сладить с кем мне не хватает власти?
Ведь память о тебе – незримый щит
И от снегов, и от дождей весенних.
И, ежели, укрытье затрещит,
То негде будет мне искать спасения.
Прообраз – утешитель, ты стеной
Отгороди от горечи и боли,
С тобою мы за повестью одной
Спасемся сочиненной нами ролью.
Прообраз мой, сдающийся огню,
Когда утихнет суета пустая,
Ты помни, я тебе не изменю,
Хоть нет тебя! И ты, как дым, растаял...

Тебя мне явно не хватало –
Ты милая! С вершинкой талой
И юбкою, неровно-пышной,
И лет тебе ужасно мало,
Но явно повидала лишнее.

Тебя, застывшую в сугробе,
Непросто было обнаружить,
И женщина в пятнистой робе –
И мы ее боялись обе –
Вела к другим, что были хуже,

Что были уже, заморенней.
А ты, упругая пружинка,
Чуть отвязали – прыг на корень,
Шалишь, ко мне привыкнешь вскоре –
Качнулась в сторону, скажи-ка...

Стоишь – как будто голосуешь,
И руки вверх, и пальцы веером,
Дерзка, ярка и рукосуйна,
Природа молчаливо-буйная,
Рожденная суровым севером.

Замри, воробушек, не шелкай,
Свети серебряной банданой.
Гордись, характер первозданный,
Ты выглядишь огромной, колкой
Парящей птицей в душном здании.

И хорошо, что зелень с меткой –
С подпалиной, немного рыжей.
Тепло огни твои колышет,
Ты хорошеешь всеми ветками
И – на глазах – все выше, выше...

Хмурая, милая, жму твою колкую лапу...
Вот и зашла ты... а, видимо, не собиралась.
Долго ли, жарко ли льдинкой оттаявшей капать?
Ты уже здесь, и спасибо за эту огромную малость.

Руки ветвей распахнулись рывком безрассудно –
Что и кого ты хотела обнять, замирая?
Суть – экстремальная хиппи и крен не доплывшего судна,
Буйство начала и гордое знание края.

Щелканье шишек, ночная прямая угроза,
Щелканье выстрелов – линий оборванных искры.
Падать, так с музыкой – твой незатейливый лозунг,
Падать салютом и праздником – немо и быстро.

Гляну, и будто потянет курящийся тайною омут:
Тают огни, растекаясь до молнии-ленты,
Блеском смолы все они закипят и застонут,
Это не мистика – истинно дышат живые моменты.

Гляну – темно, только гулкою пропастью свыше
Зрит молчаливое и беспощадное око,
Тайною силою дерево чувствует и дышит,
Властно оно надо мной тишиною глубокой.

Вдруг не стерпится и не слюбится,
На асфальт упадет мороженым,
И дугою выгнется улица –
Невозможно так, невозможно...

Дубли два и три недоступны,
Это утро неповторимое,
Но молчат телефоны тупо,
Опоздали стражи зари мы.

Если вдруг один – до отчаянья –
На вокзальном согнут диване,
Пусть другой угадает тайну
И окажется тут случайно.

А потом само провидение
Перепутает: «было-не было»,
И беседа, как взлет-падение –
Выше зла, и добра, и неба.

Боже мой, как обидно редки,
Эти утренние кафешки,
На коржах – медовые клеточки,
Золотистый изюм, орешки...

Понимать чужие абстракции
Легче, если действуют чары.
Шелестя шелками – как в танце –
Шоколадница Лиотара.

Шоколад на столе, на стенке,
Чашки с розами чуть курят,
На поверхности сливок пенки.
За окном туман сентября.

Не хочу реалий ходули,
Только след поспешный бумажный,
Осязая, таю – расту ли?
Отрываясь от самого важного,

По щеке погладят – у каждого
Расцветет в груди наслаждение,
Дали пить – погасится жажда
Взлетов, поисков, долгих бдений.

От избытка – только не к статике,
От роскошества вниз к покою,
Но узоры стираю ластиком,
Мне бы нужно совсем другое:

В пустоте сквозняком посвистывать,
Пить прохладу утра нездешнего,
Ради выдоха слова чистого
Отторгать пустое и внешнее.

Ношу в себе его глоток тягучий и кофейный,
Пока не хлынет горячо по венам,
О, поплывет незримой легкой пеной,
Ведь никого не удивишь навеянном.

Ношу в себе остаток сна, прикрыв ночнушкой,
И совесть, точно, нечиста и жгуча,
Но засевают небеса седыми мушками,
Теряет их и тает на глазах большая туча.

Настанет, наконец-то, срок мудрить со словом,
И ток пойдет гулять, шумя по венам,
Внезапно ощутив присутствие былого,
Я допишу тот сон – всенепременно.

Как глянула, как щелкнули перста,
Как блузка с плеч ползла!
Глазами приказала: "Все, отстань!",
Пошла, неуязвимая для зла.

Под радостный сердечный перебой
Рванусь за амальгаму, ровно дух,
Свобода-ветер, я хочу с тобой –
У зеркала, где я одна из двух.

Не говорите мне, что жизнь пуста.
Стихом она полна, и этот слой
Зажжет ладони, голову, уста
И засияет сам, как аналой.

На сонном берегу реки
Сидят в ленивой полудреме
Невольные отпускники
И ждут старинного парома.

Чтоб голос зычный выкликал
Счастливец быстрой переправы,
Чья жизнь окажется легка,
Как путь, от левого – на правый...

Они заварят на огне
Питье медвяное крутое,
Ведя беседу о цене
Простого вольного покоя.

И скажет мальчик, что наук
Пороги вскоре одолеет,
А слезы, след душевных мук,
Скрывать, наверно, тяжелее.

И будут девушки полны
Наивно-грустного волненья,
И мистикой отделены
От лени и банальных мнений.

Мужчина, с опытом беды,
Над суетой готов смеяться...
И помогать на все лады
Пиитову смешному братству.

Молчащей женщине бесед
Пространных явно не дослушать,
Нить серебра в ее косе,
И голос горьковатый суше.

Но все случится в свой черед:
Фаюмский мальчик повзрослеет,
Мужчина дело обретет,
А девы – темную аллею.

Покинет женщину печаль.
Согреет восхищенье рядом,
Ей зыбку хочется качать,
А больше ничего не надо.

Пока клубятся облака,
Запомни, что душа просила –
Все принесет с собой река,
Волну и ветер, стать и силу.

3.

В середине стола, где парует картошка в мундире,
В середине судьбы, в этой старой, уютной квартире
Средина зимы, где в окне голубое смеется,
Охватит меня простотой, ослепительней солнца,
Есть столько причин – головой на лежащие руки,
Молчи – не молчи, не становятся легче разлуки,
Стеклянная банка с водой и рябит, и вскипает,
Биение пульса в сосуде увижу, почти засыпая,
Какие еще потрясут и победы, и муки, и страхи,
И кто ближе к телу окажется, кроме последней рубахи?
Как только в той банке вода, колыхнув, устоится,
Зеркальными бликами в ней отразятся любимые лица.

Вот оно, счастье – нежданное, веское,
Утро с холодным, обстрельным дождем.
Ветер бросает в тебя занавескою,
Бог с ним – гостей мы сегодня не ждем.
За занавеской – упрямый, колючий –
Произрастает отважный цветок.
Счастье мое, как пожар, неминуемое,
Мыслей любовных шумящий поток.
Только бы дня не заметить крылатого,
Только б никто невзначай не пришел!
Молча укрыть – досыпающих сладко,
Чайник и булка – и все хорошо.
Светлые будни осенни и яркие,
Пишется быстро – как с горки летит.
Где-то гремят оркестранты у парка,
Музыка снова в начале пути.
Чтобы любовь ожила непонятно,
Так, чтоб ее никому не украсть –
Силы небесные и необъятные
Немо хранят неуместную страсть.
Рев непогоды – ни злобы, ни корысти,
Лиственный звон-бубенец
Плачет над новорожденною повестью,
Добрый диктуя конец.

Крымские мотивы

1.

Что догоняет меня за спиной?
Слышу – угрозы летят, настигая.
Резкие всхлипы и вздох неземной –
Стой, дорогая.

Да, убегаю, глотая комок,
Рот пересох, ибо перецелован.
Солон прибой... от макушки до ног
Сжал – и ни слова.

Елочный звон, ледяной перелив,
Солнце всплывает в зеленые воды.
Так я входила в него, утолив
Жажду свободы.

Сильных объятий, что хмеля-вина,
Вечно желание, сколько б ни пили,
Вечная качка с волны и до дна,
В бурю и в штили.

Хлестки удары – не может достать
Море возлюбленных и уходящих,
Плетью охватит и сникнет опять,
Будто бы плачет.

Бросит, как россыпью огненных бус,
Падая в воду, звенят и погаснут.
Нет, не догонишь, и я не вернусь,
Разве не ясно?..

2.

Рокотанье воды возмущают, взметнувшись, фонтаны,
Голубые шелка разрывать снежно-белой ладье.
И восточная музыка, будто куренье кальяна,
Украшения, что ли, забыто сверкают в воде?

Живописный татарин подразнит опять ожерельем –
От морских окуней – подкопченный густой аромат.
Ветерком нанесет дух рапанов, и пива, и соли, и прели.
Расставляют шезлонги, и звякает вдруг банкомат.

В этом хлопанье тентов и музыке смех беспричинный,
Почему одинок ты, и взор твой почти вороват?
Ты вернешься отсюда вполне просоленным мужчиной,
Никому не обязан, не стоит долги отдавать

А в потемках акаций, где каждая, вроде, согласна,
Ты захлопнешь калитку и молча откроешь вина:
В душном бархате ночи и трелях сверчка будет ясно:
Тот балкон нараспашку, и девушка там – не одна.

3.

Хлещут ветры резиново в землях чужих и горячих,
Громоздятся плоды пред глазами, от солнца незрячими,
Долго пьется вода с пузырьками – вода,
леденящая пальцы,

Глухо волны ворчат на кипящие толпы скитальцев.
Тесных улочек жар и шипенье машин и бензина.
Торопливое: «ах», и хватание на руки сына.
Острый взгляд черных глаз... Но, она здесь – откуда,
Та царевна грузинская? Нет объяснения чуду.
Вдруг заноеет душа, что прощание наше все длится:
Толкотня на вокзале, и мокрые красные лица
Закрывают ее от совсем потерявшихся близких...
И она замирает в гудящей толпе обелиском.
Как мрачна эта башня, и память тирана во френче,
Как подходит она для невест и украденных женщин!
Но зачем задержалась фигурка одна у проема,
Вдалеке ото всех – почему она мне так знакома?

В этой башне живые туманы живут, но поверьте, –
Что, дыша высотой, невозможно не думать о смерти.
Все, что было внизу, вдруг, бледнея, утратило цену.
Здесь – забытой бы – стать. Но не ей, незабвенной.
Уходи, моя девочка, вниз, через морок и стылость,
Ведь ворота к свободе, будто, еще не закрылись!
Уходи. Подожду затихающих легких шагов перезвуки,
Для креста на груди замирают прижатые руки.
Дивный парк, под названием пышным –Ривьера,
Где мурлычут фонтаны, а музыка льется без меры,
Где ночами тропических зарослей ярки букеты,
Мы искали аллею писателей... Муза, ну, где ты?
Мы, порой отдыхая, стремительнее уставали,

И старались припасть на домашний,

с подушечкой, валик...

На мольберте художника, прямо уже по-арбатски,

На холсте проступили знакомые черные глазки.

Их узнала бы, даже сквозь малую узкую щелку,

Их узнала бы я, несмотря на чужую улыбку и челку.

Полчаса, может, меньше, но все-таки тут проходила

Эта девочка, узкие плечи, нездешняя сила.

Десять дней и ночей стали редкими снами,

И повсюду, и молча, она появлялась за нами.

Подавала мороженое, с вишнею сладкой брикетты,

То мелькала, как бабочка, в южных магнолиях где-то,

Окликала в камнях и в музейном, со свечками, зале,

Даже там, где и люди могли появиться едва ли!

И была – то торговкою в золоте, то

молчаливой монашкой,

То – в витрине подарков – сверкала смеющейся чашкой,

Эта девочка-пленница, в сумраке тисовой рощи,

Прихожанка часовни, где лечат нетленные мощи,

И в вагоне с коврами нам чаю несла проводницей...

Моя дочь, моя грусть, мое «пусть», просто сон,

От которого ночью подолгу не спится.

Орлы и орлицы (старая гурзуфская легенда)

Княгиня Елена о сыне мечтала,
Но выросли двое – послание неба,
И оба похожи на прежнего князя,
Смотрела – и слезы в очах проступали.

И столь же красивы, и лица чеканны,
Нежны и смешливы, отважны и властны
Наследники замка седого Гурзуфа,
Надеждой на счастье их люди считали.

Что братья города, что – плоды на деревьях,
Что влет на конях, что – в отчаянном пире,
Но плакало сердце у старой княгини:
Гаврил и Кирилл никого не жалели.

Не слушали дети ее колыбельных,
Лишь звоны мечей услаждали их уши,
И звоны монет, сундуки наполнявших,
Давали картину владения миром.

Наставник, зеленобородый Нимфолис,
Военной премудрости твердый учитель,
И тот изумился бездушию юных,
Ушел на покой, навсегда попрощался.

Он жезл костяной им на счастье оставил,
Который ключом открывал океаны,
Два сизых крыла – улетать через горы,
И стали князя молодые всесильны.
Торговцы молву принесли, будто песню:

Две дивные девы, что правят долиной,
Они тоже сестры, и сестры родные,
Похожи и станом, и гласом, и ликом.

А волосы их, словно красный песчаник,
Глаза зелены, холодны и зовущи,
Шагают бесшумно, как будто в полете,
А нравом тверды, словно скалы Гурзуфа.

Молва растревожила княжеский замок,
Торговцы ушли, а печаль запылала.
Горячие братья покой потеряли:
Увидеть. Владеть. И немедленно, сразу!..

Баллады они сочинять не хотели,
Собрали отряды, войну затевая.
Долину зеленую дочиста выжгли
И взяли в полон белокожих красавиц.

Но те не склонились, а только молчали.
Медовые фрукты, и шелк золотистый,
И легкие вина они отвергали.
Презренье сестер было кратким ответом.

Орлы возжелали любви орлиной –
Лишь равных себе чужеземных царевен,
Но рабская кровь не течет в этих жилах,
Гордыня одна не сломила другую...

Но братья сильней добивались удачи!
Их сизые крылья носили за горы.
Когда ударяли жезлом – расступались
И реки, и страшные бездны морские.

Нептун был разгневан таким появленьем:
Трезубец его поразил неизвестных.
Вода закипела от огненных молний,
И всплыли тела возлюбленных братьев.

Свершилось – они, наконец, обнимали
Мечту, отраженную в каменных скалах, –
Отныне стоят две невенчанных пары,
Зовутся они – Близнецы Аладоры.

Примирение

Прошлым летом ни дождь, ни Англия
Не сумели его развлечь.

Только ветер, душный и наглый,
И печаль, что не сбросить с плеч,
Только пыль на обложках книжных
И немое эхо времен.

Далеко от дворцов и хижин,
И от близких далек был он.
Прошлый век – ни лазер, ни лира,
Ни проклятье, ни образа –
Есть иное устройство мира,
Если сможешь разуть глаза.

Громких слов с трудом избегая,
Нелегко избежать вражды.

Понимаешь, правда – нагая,
Но не жди покоя, не жди.

Как деревья бьются локтями –
Их от ветра бросает в дрожь.

Шестьдесят на сорок потянут,
Поседевшая в поле рожь.

Да возможно ли примирение
Изначально чужих стихий?!

Толкователь всех точек зрения –
Как шаги-то его тихи.

Тот же смех озорной беззвучен,
Тот же холод в серых глазах.

Враг хорошего – это лучшее,
А иначе просто нельзя.

Ягодные сны

1. Черемуха

В черемуховой тьме ночей, по блеску нефтяному,
Доверчивый бежит ручей, срываясь в омут.
Черемуховый ствол в обрыв течением обрушен,
Замедленно собой укрыл реку и сушу.
Черемуховых глаз тепло и ртутная отрава –
В смятении моем оплот, смиренность нрава.
Черемуховый жги костер, не гасни до рассвета.
С черемуховых губ не стерт и привкус этот.
Черемуховый сон – не врешь – черемуховый омут!
Зачем, не унимая дрожь, бросаешься,
Взахлеб плывешь от берега – к другому?

2. Ежевика

Не прибой изрезал плес,
Лепестковый абрис тонкий.
Там, за руслами для слез –
Сумасшедшая воронка:
Темно-розовый не в счет,
Ближе ягодно-лиловый –
Ежевичным соком рот
О тебе напомнит снова.

Ежевичные врата
Непридуманного рая,
Покоряют неспроста –
Припадаешь, умирая,
Задыхаясь от обид,
Не свершившегося чуда...
Обрети пристойный вид,
Как внутри тебе ни худо...

Приникая и дрожа,
Заполняя без остатка,
К жизни вновь приворожат –
И мучительной, и сладкой.
Прокрадешься просто так,
Не дождавшись смертной грусти,
Страшно ухнет пустота –
В рай тебя уже не пустят.

3. Малина

Спелый закат устал прощаться,
Водную гладь целуя длинно, --
Не говорите мне о счастье,
Скоро осыплется малина,
Зрея в запущенной аллее,
Под золотым слепящим кругом.
Только и ждет, что одолеют
И усмирят лавину руки.
Так переспело все в июле,
Льется душистыми дождями...
Не говорите, вы вздохнули,
Спелого лета долго ждали.
Скоро осыплется малина --
Пособирать еще неделю.
Век на закате мой недлинный --
Думать о вас ли, о себе ли?

4. Рябина

Пошел теплый дождик посверкивать солнечной нитью,
И чуть трепетали оборки жоржета в горошек,
И глаз мой впервые все это сквозь слезы увидел,
Что пахло грибами, и день получался хороший.

А нынче, покорная сну или просто наитью,
Подруг раздеваю, срываю с них ягоды-бусы.
Рябины, ломаясь от веса оранжевой кисти,
Дождями, как елки, увиты и всем отдаются.

Зачем так прозрачно, что капли далекого сада
Горящий мой рот, прямо с неба слетя, изумили.
Прозревшее сердце, которому, Бог его знает, что надо,
Растрат не считает, а было их – годы и мили.

Оплачу обобранных веток усталость немую,
Дымящихся чашек, последних костров ароматы
И солнечность слитков, такое не в силах отдать никому я,
Как эти рябины бессчетно дарила когда-то.

Нечаянный дар, не заслужен ты мной, не замолен,
С небес не испрошен, но кем-то оставлен в псрежней,
Где старым пальто наслаждается полчище моли,
И нежность моя – чем бессильнее, тем и победней.

5. Черешня

Я возвращаюсь с юга,
С белых его палат –
В травы яркого луга...
Нам бы узнать друг друга,
Да не попомнить зла.

Было мне не до ягод.
Северной жажды миг:
Мне бы – пригоршней – на год,
На два вперед, с отвагой
Есть, пока есть язык.

Желтые, как светила,
Ягоды нарасхват.
Теплой медовой силой
К ним меня заносило
В шумный ягодный ряд

Знаю, черешне черной
Желтая – не ровня.
Нету дороги торной
Там, где плоды отборные
Зреют не для меня.

Надо ж, попутал леший,
Я из этих широт
Выпала, как из бреши,
Как из обоза – пешая,
Стоя раскрывши рот.

С юга едут гурьбою,
Громко хохочут, пьют,
Ведро черешни стоят
Дешево! Нам с тобою
В том не живать раю.

Я возвращаюсь тихо
С родины – со страды.
Ветер треплет за вихор,
Будто степные мифы,
Нашего детства сады.

Я не везу черешен,
Персиков и клубник,
Запах ягодный бешен!
Каждый же чем-то грешен,
Каждый однажды сник.

Просто открылось тайное,
Будто в глотке воды:
Нежное, неприкаянное,
Кроткое и отчаянное
Чувство близкой беды.

Крапивой забило кусты, но ягод смородинных море,
И так улыбаешься ты, как будто бы не было горя.
Как будто колодец скрипит по поводу чаю напиться,
И мы никогда не умрем, как сонно поющие птицы.

7. Облепиха

Слепящий свет, внезапная тревога
И шорох целлофана на ветру.
Поет свирелью летняя эклога –
Не здесь ли, в райских кущах, и умру? –
Покуда ж облепиху оберу.

Где в иглах тонких, ядовито длинных,
Янтарно-желтых зерен пенный ком,
Вдыхая арматы, как былины,
Я не могу брать ягод целиком,
Как все, кто бражной сочностью влеком.

Они слились с несокрушимой веткой,
Как я с землею сосен и болот...
И мужества хватило у трехлетки
Укорениться, цвести и – крона влет,
И сквозь нее осенним солнцем бьет.

Что за листва – как перья, серебрится,
А гибкий ствол упрямее пилы,
И скоро здесь другие будут лица,
Царапаться у ягод, веселиться...
Я рядом вижу всех, и все милы.

Впивая облепихи острый запах,
Хочу давать побегу, как она,
И быть звеном, связующим этапы –
Пускай звенят в траве и колких лапах
Моих детей и внуков имена.

Так ли мягок придонный мельчайший песок,
И поверхность его бархатиста,
Как закатного солнца в реке колесо,
И наивная жажда большого и чистого?..
И чем мусора больше течение несет –
И веселое, желтое, в крапинах черных –
Тем сильнее надежда, что все переменится, все,
Если плыть по течению покорно...
И подводной струей, и воздушной волною над ней,
Век покажется бархатно-сладок.
Это дно полосатое быстрых и солнечных дней
Сохранит озорной отпечаток.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. ПОИСК.....	3
«Люби – сказали мне...».....	4
«По зеленой весенней траве...».....	5
«Губы, которые трогали...».....	6
«Я умела любить...».....	7
«Ау тебе, роща...».....	8
«Не плачь...».....	9
«С ветром улетела простыня...».....	10
«Он целует ее...».....	11
Зимнее ретро.....	12
«Земля, как я...».....	14
Развалины.....	15
Часть II. ТЩЕТА.....	20
«Небо выбелило зноем...».....	21
«Что ж, дорога до школы...».....	22
А. Швецову.....	23
Т. Бычковой.....	24
А. Дудкину.....	25
М. Жаравину.....	26
М. Жаравину (посмертно).....	26
Н. Бурдыковой.....	27
Себе.....	28
Р. Соболевой.....	29
И. Несмирному.....	30
Дебютанту.....	31
Счастливый.....	32
И. Тюрину.....	33
Матери поэта.....	34
И. Метляевой.....	36
«Она всегда была одна...».....	38
«Когда, в мельканье рук...».....	40

Н. Сидоровой.....	41
«От пепельной дымки и зноя дрожа...».....	42
«Признаюсь – я утром шла...».....	43
Астрофиллит.....	44
А. Наугольному.....	47
«Придешь ко мне...».....	49
«Ты наденешь Москву...».....	50
В. Масловой.....	51
Плач.....	52
Н. Кругловой (Масловой).....	54
Н. Елсукову.....	55
«Вот идешь по суровой прекрасной аллее стиха...».....	56
Горькая поэма (М. Сопину).....	57
Часть III. УТЕШЕНИЕ.....	65
«Сиреневый рассвет для медитаций...».....	66
«Браво, четыре утра...».....	67
«Шарахнет дождь...».....	68
Розы в изголовье.....	69
«Он никто мне...».....	70
«Прообраз мой, утеха из утех...».....	71
«Тебя мне явно не хватало...».....	72
«Хмурая, милая, жму твою колкую лапу...».....	74
«Вдруг не стерпится и не слюбится...».....	75
«Не хочу реаний...».....	76
«Ношу в себе его глоток...».....	77
«Как глянула...».....	78
«На сонном берегу реки...».....	79
Три картинки бытия.....	81
«Вот оно, счастье – нежданное...».....	83
Крымские мотивы.....	84
Орлы и орлицы.....	88
Примирение.....	91
Ягодные сны.....	92
Черёмуха.....	92

Ежевика.....	93
Малина.....	94
Рябина.....	95
Черешня.....	96
Смородина.....	98
Облепиха.....	100
«Так ли мягок придонный...».....	101

Щекина Галина Александровна
АСТРОФИЛЛИТ: [книга стихов].
Объем – 104 стр. Формат – 148x210.
Условно-печатных листов – 1,6.
Москва, 2011.
Тираж – 500 экз.

Техническая редакция – Писарчик Нина Викторовна.
Компьютерная верстка – Соболева Регина Олеговна.

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75.